Заглавие документа	Сознание, познание и топонимная номинация // Межкультурная коммуникация: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. Минск, 18–19 октября 2007 г. / редкол.: Е. Г. Задворная (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ. – С. 70–72.
Авторы	Копач О.И.
Тема	Языкознание
Дата публикации	2007
Аннотация	Предлагается новое когнитивное направление в топонимике – изучение механизма восприятия топообъектов разных классов, выявление генерализующих схем, по которым осуществляется наделение объекта именем.

В последних работах по топонимике часто говорится о необходимости принять во внимание действие т.н. *человеческого фактора* на производство единиц языка. При этом главной проблемой остается сложность строения и доступности для анализа «черного ящика» сознания человека.

Уральскими топонимистами – Березович, Рут и др. – выдвигается понимание топонимии как репрезентанта конкретно-чувственных представлений носителя языка о действительности: «заложенный в названии признак предмета отражает наиболее устоявшееся в сознании носителя языка представление об объекте, причем не только сложившееся до названия, но и затверженное в сознании самим фактом бытования мотивированного слова» [1]. При подобном понимании роли субъективного фактора воспроизводится традиционная цепочка номинативного процесса: объект в совокупности свойств и качеств > представление человека о признаке / признаках объекта > материализация представлений в языке.

Такой взгляд может рассматриваться лишь как один из двух основных путей изучения человеческого восприятия объектов: (1) изучение характеристик образа; (2) изучение самого механизма восприятия.

Исследования уральских топонимистов – работа в сфере психологии (первое направление) и отражение ее в семантике производящего слова.

Другое когнитивное направление в топонимике – изучение механизма восприятия топообъектов разных классов, выявление генерализующих схем, по которым осуществляется наделение объекта именем.

Как отмечал Ч. С. Пирс, естественный ход рассуждений человека «детерминируется ни в малейшей степени не психологическими соображениями» [2: 239]. При встрече с объектом мы не рассматриваем каждое из его свойств по отдельности, чтобы сказать, что это за объект. Осознание целостного объекта, а не его отдельных характеристик позволяет нам отнести его к определенному классу. Человек анализирует объекты восприятия, а не признаки.

В связи с этим в схему номинативной деятельности субъекта при производстве имен для единичных объектов следует включить представление о целостном объекте. Кроме того, введение в модель нового компонента порождает вопрос о взаимодействии традиционно выделяемого в топонимике представления о признаке и предлагаемого нами представления об объекте, т.е. о категориальном взаимодействии двух компонентов.

Следует придать схеме номинации в топонимии такой вид: объект в совокупности свойств и качеств > представление об объекте в целом > представление о признаке /-ах объекта > категориальное представление об объекте и его признаках > материализация представлений в языке.

Мы рассматриваем восприятие не столько как познание отдельных свойств объекта, сколько как интенциональный образ объекта, который складывается у субъекта в ходе познания этого объекта. Условия бытования традиций, обычаев, ритуалов и связанные с ними представления человека конкретной местности и их отражение в содержательной составляющей топонима не являются предметом нашего изучения. Во главу угла мы

ставим обнаружение на основании анализа топонимных знаков феноменологических свойств объектов определенного рода. По нашему мнению, топонимика в собственно когнитивном аспекте – это показ того, каким образом и на каких *логических* основаниях у субъекта появляются привычки рассматривать объект под определенным углом зрения, заставляющие обозначать объекты разных подсистем разными семиотическими структурами.

Уральские лингвисты рассматривают результат деятельности анализаторов человека, его ощущение объекта и самого себя относительно этих объектов. Следствие – серия параметров, детально учитывающих экстралингвистическое окружение топонима: по проявленности субъекта наблюдения, по направленности ориентации, по координирующему механизму, по объему охвата территории и др. Но ими дается информация по топонимии в целом, не видно, за счет чего система функционирует, не распадаясь на отдельные составные части. Не в каждом топониме можно встретить, скажем, такой параметр, как дробность восприятия пространства. Необъяснимо и то, каким образом отмеченное в отдельных знаках связано с остальными знаками, составляющими систему или подсистему.

Если идти ономаσιологическим путем, то вместо единой топонимной сетки мы получим целый ряд взаимосвязанных и пересекающихся, накладывающихся друг на друга сеток – сверхсложную систему, в подсистемах которой можно обнаружить и подобные процессы, и их разную количественную представленность.

Все собственные имена географических объектов направлены на одно и то же – на конкретизацию апеллятивов *река, озеро, болото* и т.д. И если их топонимизация, т.е. превращение в собственные имена географических объектов, осуществляется практически одинаковыми номинативными средствами, то соотносительность референции топонимов и семантики определяемого компонента собственного имени позволяет отметить не

столько формальные, сколько функциональные номинативные закономерности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л., Рут М.Э. Ономаσιологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия УрГУ. – 2001. – № 17 (http://proceedings.usu.ru/proceedings/N17_01/win/03.html).
2. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. – СПб., 2000.